

DOI 10.15826/vopr_onom.2023.20.1.006

УДК 811.172'373.231 + 81'373.23 + 81'373.21 + 81:39 +
+ 94(474/476)“15”:930.2 + 81'286 + 81'282

С. А. Афанасьева

Институт славяноведения РАН
Москва, Россия

МЕХАНИЗМЫ ПЕРЕДАЧИ ЛИТОВСКИХ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В БЕЛОРУССКО-ЛИТОВСКИХ ЛЕТОПИСЯХ*

В статье исследуются стратегии передачи литовских имен собственных в пятнадцати белорусско-литовских летописях, созданных в XIV–XVIII вв. Тринадцать из них написаны на письменно-литературном языке Великого княжества Литовского, созданном на базе восточнославянских диалектов, по одной — на польском и латыни. Влияние литовского языка на язык летописей было минимальным, но в каждой из них встретились литовские имена собственные, поскольку предметом летописей является история Великого княжества Литовского. Большинство имен собственных — дохристианские литовские двухосновные антропонимы, реже возникают топонимы, гидронимы и этнонимы. Объяснить написание имен собственных можно путем обращения к данным истории литовского языка и диалектологии, поскольку писцы славянского происхождения заменяли «чужие» литовские звуки наиболее близкими «своими». Последовательно прослеживается передача литовских гласных *o* и *a*, вокалических дифтонгов *ai* и *au*, смешанных дифтонгов *an*, *al* и *ir* и отдельных элементов системы консонантизма. В свою очередь, отражение в записях при передаче имен черт литовских диалектов позволяет считать белорусско-литовские летописи ценным источником для изучения литовской исторической фонетики и диалектологии, поскольку они создавались в период, когда на литовском языке еще не было достаточного количества памятников. Несмотря на то что в большинстве случаев при передаче литовских имен в языке летописей отражаются реальные фонетические явления,

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00365 «Семиотические модели в кросскультурном пространстве: Balcano-Balto-Slavica», <https://rscf.ru/project/22-18-00365/>

© Афанасьева С. А., 2023

иногда форма имени обусловлена влиянием традиции и языка источника перевода, что поддерживается наличием в разных летописях разных систем письма — кириллической и латинской.

К л ю ч е в ы е с л о в а: антропонимы; топонимы; гидронимы; этнонимы; литовский язык; Великое княжество Литовское; белорусско-литовские летописи; лингвогеография; дихотомия *свой – чужой*; историческая фонетика; диалектология

1. Введение

Внимание исследователей литовской ономастики всегда привлекал древнейший слой дохристианских личных имен, состоящих, как правило, из двух основ [см.: Kuzavynis, Savukynas, 1987, 15]. К. Буга в своей работе 1911 г. «О литовских личных именах» проводит параллель между двухосновными древними именами типа *Tautginas*, *Vaišnoras* и сложными словами типа лит. *pel-ėda*, *arklia-ganyš*; лат. *agri-cola*, *monti-vagus*; слав. *вое-вода*, *ветро-гон* [Būga, 1958, 222–223]. В большинстве случаев одна из основ — глагольная, это позволяет сблизить древние имена с *nomina agentis*, представляющими собой свернутые перифрастические обороты «тот, кто»: *pel-ėda* ‘tas, kas ėda peles’ «сова — тот, кто ест мышей», *arklia-ganyš* ‘tas, kas gano arklius’ «конепас — тот, кто пасет коней»; *Tautginas* ‘tas, kas gina tautą’ «Тот, кто защищает народ»; *Vaišnoras* ‘tas, kas nori vaišių’ «Тот, кто хочет пира; гостеприимный». В таких именах глагольная основа необязательно стоит на втором месте: наряду с *Tautginas* существует и *Gintautas*, наряду с *Vaišnoras* — *Norvaišas* и т. д.

На основании письменных источников XIII–XVI вв. и данных топонимики К. Буга восстанавливает изначальные формы имен литовских князей [Būga, 1958]. Ввиду отсутствия документов на литовском языке основными источниками для изучения литовских имен стали написанные по-немецки хроники, древнерусские летописи, а также большое количество деловых документов Великого княжества Литовского (далее — ВКЛ). Согласно К. Буге, писцы великокняжеской канцелярии (как и составители древнерусских летописей) записывали литовские имена гораздо лучше, чем немецкие хронисты. Системы консонантизма обоих языков отличались не сильно, поэтому «никаких затруднений с согласными в литовских словах не было» [Там же, 222–223]. Системы вокализма, напротив, различались значительно, поэтому затруднения и колебания в передаче иноязычных звуков касались прежде всего литовских гласных, вокалических дифтонгов и тавтосиллабических сочетаний «гласный + сонорный».

Представленное в статье исследование механизмов передачи литовских имен собственных в другом языке основывается на материале белорусско-литовских летописей (далее — БЛЛ), исторических сочинений, созданных на территории ВКЛ в период XIV–XVIII вв. [Улащик, 1985, 3]. Они были опубликованы в [ПСРЛ, 1975; 1980].

Большинство летописей написано на письменно-литературном языке ВКЛ. История полемики вокруг его природы, а также перечисление всех существующих вариантов названия приведены в [Мякишев, 2008, 9–26]. Несмотря на обилие точек зрения на природу этого языка, большинство ученых сходится в том, что он был гибридным и в его основе лежали восточнославянские диалекты. Влияние литовского языка, по-видимому, ограничивалось в первую очередь лексическими заимствованиями, привносимыми писцами литовского происхождения. Решающего влияния на фонетику и грамматику языка документов ВКЛ литовский не имел, а количество лексических литуанизмов в разных документах варьируется [Там же, 25–26]. Однако личные имена литовских великих князей или других знатных людей, а также встречающиеся реже гидронимы, топонимы и этнонимы составляют тот пласт лексики, в котором литовский язык тем или иным образом отражался вне зависимости от документа, что дает возможность попутно наблюдать фиксируемые в именах литовские диалектные явления.

Материалом для исследования послужили 15 летописей. Из них 13 написаны на письменном языке ВКЛ (Академическая, Археологического общества, Виленская, Волынская, Евреиновская, Красинского, Никифоровская, Рачинского, Румянцевская, Слуцкая, Супрасльская, Хроника Быховца, Хроника Литовская и Жмойтская), одна является переводом с этого языка на польский (Ольшевская), еще одна — на латынь (*Origo regis Jagyelo et Wytholdi ducum Lithuanie*). Таким образом, очень ценным является то, что среди летописей есть написанные на польском, латыни или письменном языке ВКЛ латиницей (Хроника Быховца), так как это дает возможность сравнить варианты передачи имен собственных в кириллической и латинской системах.

2. Гласные

2.1. В первую очередь будут рассмотрены имена, в которых в современном литовском пишется *o* и произносится [o]¹:

Jogáila: **Ягаило** (272), **Ягало** (2), **Ягоило** (102), **Ягелло** (4), **Якгеило** (167), **Jagello** (32), **Jagoyło** (110), **Iagailo** (55);

Trenióta: **Тронята** (34), **Тройнята** (12), **Troniata** (9), **Tronat** (7);

Norimantas: **Наримонт** (61), **Нарымонт** (30), **Норимонт** (1), **Narimonth** (16), **Narymont** (18);

Góstautas: **Кгаштолт** (26), **Кгаштовт** (1), **Gastolt** (4);

Kāri(j)otas: **Корят** (13), **Корят** (31), **Корьят** (8), **Корьят** (5), **Korjat** (6), **Koryat** (9).

¹Здесь и далее имена приводятся в именительном падеже, если не указано иное. Слева — формы имен, восстановленные К. Бугой. В скобках — количество встретившихся фиксаций.

Как видно из примеров, на месте современного литовского *o* во всех встретившихся случаях пишется *a* (*я*). Исключение составляет пример *Норимонт* из Евреиновской летописи, которая отличается более высоким числом ошибок по сравнению с остальными летописями [Улащик, 1985, 66].

Механизм передачи звука на месте современного литовского [o] буквой *a* в летописях кажется вполне понятным. Как показывает исследование З. Зинкявичюса [Zinkevičius, 1980], в тех словах, где сейчас в литературном литовском пишется *o* и произносится [o], еще в памятниках XVI в. встречалось написание *a*. Предполагается, что там, где в литературном языке сейчас произносится [o] и пишется *o*, раньше произносилось [ã], и в некоторых говорах такая ситуация могла сохраняться долго (например, в архаичных говорах к северу от Клайпеды произношение звука типа [ã] сохранялось и в XX в.) [Там же, 64–65]. Поздним переходом [ã] в [o] объясняется и то, что довольно поздние славянские заимствования имеют вид *storasta*, *svodba* — получается, они были заимствованы еще до этого перехода и впоследствии тоже ему подверглись [Там же]. Как свидетельствуют карты 35, 36 Атласа литовского языка [ЛКА], произношение звука типа [ã] на месте [o] литературного языка под ударением зафиксировано не только к северу от Клайпеды, но и на восточной границе Литвы, в Игналинском и Швянченском районах и в аникшайских говорах (где звук типа [ã] произносится на месте как [o], так и [a] литературного языка). В предударном слоге на месте [o] литературного языка более открытые звуки типа [ɔ], [ã] и даже [a] произносятся на гораздо более широкой территории, в том числе в непосредственной близости от Вильнюса.

2.2. Вторая группа примеров — личные имена и географические названия, в которых в современном литовском пишется *a* и произносится [a]:

Kāributas: *Корибум* (42), *Корыбум* (17), *Корбум* (20), *Korbut* (8), *Koribut* (8);
Karigáila: *Коригаило* (2), *Коргаило* (3), *Корыгаило* (1);
Kāri(j)otas: *Кориат* (13), *Корят* (31), *Коръят* (8), *Корьят* (5), *Korjat* (6), *Koryat* (9);
Rādvilas: *Радвил* (51), *Родвил* (9), *Radywil* (7), *Radwil* (1);
Kernavė: *Кернов(о)* (49), *Kiernovo* (8), *Kiernow* (9);
Palangà: *Полонга* (1), *Полонга* (3);
Trakai: *Троки* (184), *Troki* (95), *Troky* (9).

В большинстве случаев там, где в современном литовском пишется *a* и произносится [a], в языке летописей пишется буква *o*. Эта мена, по всей видимости, фонетическая — подобных примеров в приходских книгах, исследованных З. Зинкявичюсом, и других деловых документах встречается очень много. Причем местные священники, ведущие записи, вряд ли могли быть ознакомлены с какой-либо принятой традицией передачи иноязычных имен (чего можно ожидать от составителей летописей). З. Зинкявичюс приводит примеры из приходских книг, где имя одного и того же человека по пять раз пишется через *a* и по пять раз

через *o* [Zinkevičius, 1977, 99]. Если бы замена была искусственной, под влиянием аналогии или традиции, то такой вариативности бы не было. Сам З. Зинкявичюс объясняет это возможным следствием аканья [Там же]. Аканье в текстах, написанных на письменном языке ВКЛ, отражается крайне редко [Мойсиенко, 2007, 63], и, принимая эту гипотезу, пришлось бы допустить регулярные обратные (гиперкорректные) замены *a* на *o* в рассматриваемой группе примеров (иноязычных для писца именах), что маловероятно.

В другой книге, «Фамилии польскоговорящих Вильнии», З. Зинкявичюс предлагает другое объяснение: «Не отличаются долгие гласные от кратких, так как такого разделения не было в славянских языках. Краткий *a* заменялся славянским *o*, который по происхождению также был кратким» [Zinkevičius, 2012, 24]. Утрата оппозиции польских гласных по долготе и краткости относится ко второй половине XV в. [Ананьева, 1994, 133], так что утверждение З. Зинкявичюса кажется не вполне верным по отношению к польскому языку начального периода создания БЛЛ и документов Литовской метрики.

К. Буга пишет по этому поводу, что «славянский *a* в XIII–XV вв. еще был долгим, поэтому не мог писаться на месте литовского *a*» [Būga, 1958, 227]. И К. Буга, и З. Зинкявичюс пытаются связать мену букв *o* ~ *a* с долготой / краткостью звуков в праязыке. Однако, кажется, это явление можно объяснить, обратившись к данным диалектологии. Сама по себе идея, что звук [a] в литовском языке не совпадал со звуком [a] в тех восточнославянских диалектах, которые легли в основу языка летописей, кажется верной. В русском языке звук [a] является самым долгим из всех гласных [Князев, 2000, 85].

Вероятно, механизм замены был следующим: звук [a], который существовал в тех системах, на основе которых строился письменный язык ВКЛ, ассоциировался у носителей этих (славянских) языков больше с долгим [ā], который произносился на месте *ā (впоследствии перешедшим в [o], об этом говорилось выше), а аналогов краткому литовскому [a] у них не было, и при письме на его месте писали букву *o*. Подобным образом писцы старорусских деловых документов отражали диссимилятивное аканье — на месте звука [a] писали букву *a*, а на месте звука [ъ] (не-[a]) — букву *o* [Галинская, 2002, 177–178]. Можно предположить, что литовский краткий [a] был более задним по ряду и более закрытым, чем «славянский», и из-за своей краткости (и, возможно, более закрытого характера) воспринимался носителями восточнославянских диалектов не как [a], так что на его месте писали букву *o*. В комментариях к тому «Фонетика» [ЛКА, 21] сказано, что безударный краткий [a] на всей территории сохранялся и не заменялся другими звуками.

Так можно объяснить написания *Korigaiło* из *Karigáila*, *Kernov* из *Kernavė*, *Троки* из *Trakaĩ* и *Polonga* из *Palangà*, где этот звук был безударным.

В остальных примерах [a] находится под акутовой или циркумфлексной интонацией. В литературном литовском под ударением краткий [a] удлиняется

(кроме некоторых грамматикализованных исключений) [ГЛЯ, 11]. Если обратиться к карте, приведенной в учебнике по диалектологии З. Зинкявичюса, и карте 1 [LKA], можно отметить, что в северо-восточной части Литвы на месте ударного [a] произносится звук типа [ɔ]. З. Зинкявичюс его описывает как слабо лабиализованный [o] с призвуком [a] или [ã] ([a] с более или менее четким [o]-призвук) [Zinkevičius, 1966, 50]. Сам З. Зинкявичюс предостерегает от трактовки написаний с *o* на месте *a* в крестильных книгах, сделанных польскими ксендзами, как отражения явления «*rotininkavimas*» (свойственное купишкенским и аникшяйским говорам произношение [ã] на месте ударного [a] литературного языка)² [Zinkevičius, 1977, 99].

Другое объяснение заключается в том, что [a] даже в ударном слоге не достигает длительности долгого [ā] и поэтому воспринимается как «не-[a]» и записывается в БЛЛ через *o*. Как писал З. Зинкявичюс, под ударением краткий [a] становится полудолгим, т. е. все равно не достигает той длительности, какая есть у [a] на месте бывшего носового (обозначается буквой *ą*) [Zinkevičius, 1980, 98].

Интересно отметить, что время возникновения удлинения [a] под акутовой и циркумфлексной интонациями неизвестно, но в Клайпедском крае удлинения не происходит, из чего З. Зинкявичюс делает предположение, что во времена, когда Клайпедский край перешел под власть Тевтонского ордена (конец XIV в.), процесс удлинения еще не начался [Zinkevičius, 1980, 98–99]. На карте 1 [LKA] отмечены также изоглоссы не удлиняющегося под ударением [a]. Наряду с Клайпедским краем это еще и небольшой островок к северо-западу от Каунаса, но там данное явление ограничено третьим с конца слогом и проявляется непоследовательно.

Таким образом, гипотеза о кратком (или «недостаточно долгом») [a] в безударной и ударной позиции может объяснять написания *o* в БЛЛ, а также колебания между буквами *o* и *a* для обозначения этого звука как в БЛЛ, так и в приходских книгах, исследованных З. Зинкявичюсом.

Однако, говоря о колебаниях (которых в этом пункте больше, чем в предыдущем, касающемся [ā]), нельзя не отметить, что из общего массива примеров выделяется личное имя *Радивил*, которое единственное из всех чаще встречается с *o*, чем с *a*. Есть гипотеза о нелитовском происхождении этого имени. В. Смочиньский считает его не двухосновным литовским дохристианским, а производным от *Родион* с эпентетическим [в] и аканьем — подобно диминутиву *Станил* от *Станислав* [Smoczyński, 2002, 25]. В этой гипотезе плохо то, что приходится предполагать регулярное отражение аканья (что несвойственно БЛЛ), к тому же указанная гипокористическая модель не кажется продуктивной.

² Явление получило такое название, потому что слово *rātas* ‘колесо’ в таких говорах произносят как [rɔtas].

Можно выдвинуть другую гипотезу. В отличие от носителей всех остальных имен в списке Радзивиллы единственные были современниками создания летописей (некоторые летописи, как предполагается, создавались в их окружении или, по крайней мере, в их интересах). Поэтому это имя гораздо чаще встречалось в документах того времени и его графическая форма, ориентированная на закрепившийся в польском орфографический вариант *Radziwiłł*, могла быть более привычной.

Отдельно стоит прокомментировать имя *Trenióta*, на месте которого встретились варианты *Тронята* (34), *Тройнята* (12), *Тройнат* (1), *Троята* (1), *Трониата* (5), *Тронат* (7). К. Буга предполагает, что в этом имени имело место отверждение [r] (сейчас изоглосса этого явления проходит вдоль восточной границы современной Литвы, затрагивая Вильнюс, подробнее явление будет прокомментировано в разделе 5), после чего [e] перешло в [a]. Таким образом, это имя произносилось как *Tr[a]ni[ā]ta*, и его написание в летописях как *Тронята* соответствует описанным выше процессам замены [a] и [o]. Появление [j] в корне (*Тройнята*, *Тройнат*, *Троята*) может быть следствием народной этимологизации иноязычного имени под влиянием основы собирательного числительного *трое*.

3. Вокалические дифтонги

Особенностью литовского языка являются дифтонги двух видов — вокалические и смешанные (тавтосиллабические сочетания гласных с сонорными) [ГЛЯ, 20]. В зависимости от слоговой интонации (их названия дословно переводятся как «твердона начальная» — *tvirtapradė*, обозначается знаком акута, и «твердоконечная» — *virtagalė*, обозначается знаком циркумфлекса) выделенной оказывается начальная или конечная часть дифтонга [Там же, 46]. Вокалические дифтонги, в свою очередь, делятся на так называемые слитные (*ie, io*) и сложные (*ai, au, ei, ui*). В литовских именах собственных, найденных в исследованных БЛЛ, были обнаружены только сложные дифтонги *ai* и *au*.

3.1. Дифтонг *ai* встретился в следующих именах собственных:

Jogáila: *Ягаило* (272), *Ягало* (2), *Ягоило* (102), *Ягелло* (4), *Якгеило* (167), *Jagello* (32), *Jagoylo* (110), *Iagailo* (55);

Kęsgáila: *Кезьгаило* (1), *Kezgaylo* (8), *Kezgal* (5);

Vaišvilkas: *Войселк* (35), *Воишвилк* (6), *Wojszelk* (15), *Voyszvilk* (3);

Traidēnis: *Троиден* (58), *Троикген* (15), *Troidzien* (13), *Troyden* (15);

Skirgáila: *Скиргаило* (284), *Скиригаило* (26), *Скригаило* (37), *Скиргало* (3), *Skirgailo* (86);

Švitrigáila: *Швидригаило* (106), *Швипригаило* (139), *Швитрыгаило* (28), *Switrigailo* (30), *Szwidrygaylo* (31);

Gedraičiai: *Гедроуми* (4), *Giedroyty* (2), *Giedrocie* (2);

*Žemait*³: *Жемоит*- (59), *Жомоит*- (286), *Жмойт*- (23), *Жомот*- (5), *Žmod*- (8), *Žотоут*- (77), *Žетоут*- (11).

Как уже было сказано, под «твердоначальной» интонацией первая часть дифтонга удлиняется, в Восточной Литве в XIII–XV вв., согласно К. Буге, этот процесс уже прошел [Būga, 1958, 227]. Если интонацией выделена вторая часть дифтонга, то на месте [a] в первой части произносится звук среднего ряда и среднего подъема, близкий русскому [ъ]. Как пишет З. Зинкявичюс, в восточной части Литвы первый звук дифтонга *ai* под «твердоконечной» интонацией может доходить до близких русским [э] и [ы] [Zinkevičius, 1966, 93]. Если же интонационно выделена первая часть дифтонга, то там произносится удлинённый звук [a]. Можно предположить, что передача [ai] написанием *oi* связана как раз с тем, что в этих основах интонация на дифтонгах «твердоконечная» (или слог безударен). В пользу этой версии говорит то, что в основе *gail*-, где интонация на дифтонге «твердоначальная», замен *a* на *o* при передаче имен практически не встретилось.

Редкие написания *Kezgal*, *Мекгало*, *Скиргало* и др. можно объяснить выпадением сонорного, вызванным отсутствием дифтонгов в принимающей системе. Навряд ли здесь отразилась монофтонгизация дифтонга [ai] > [a], широко распространенная в Жемайтии (северо-запад Литвы) [ЛКА, карта 59], поскольку культурным центром Великого княжества Литовского был Вильнюс и Юго-Восточная Литва.

В случае с именем *Ягайло* интересно, что все летописи можно разделить на три группы в зависимости от того, какой вариант написания имени в них преобладает. Летописей, где разных написаний было бы поровну, нет. Вариант *Ягайло* преобладает в Никифоровской, Супрасльской, Слуцкой, Виленской, Академической, Волынской, Красинского и Евреиновской летописях (и этот вариант является самым ожидаемым и объяснимым с точки зрения интонации). Написаний *Ягойло* подавляющее большинство в летописи Археологического общества, Румянцевской летописи и Хронике Быховца. Объяснение этому написанию найти затруднительно. В таких же по структуре именах *Скиргайла* и *Шевитригайла* расхождений не встретилось.

К. Буга полагает, что это имя изначально имело варианты *Jogáila* ~ *Jogéla* (*Jogė́lis*) ~ *Jógilas*. Корни имели разное значение, но, вероятно, отдельные части имени были уже десемантизированы [Būga, 1958, 248]. Сам факт существования варианта *Jógilas* наводит на мысль, что в этом имени возможны были разные ударения. В таком случае вариант *Ягойло* может объясняться ударением на первом слоге (основа *gail*- тогда остается безударной, первый гласный не удлиняется и закономерно передается как *o*). Наконец, в летописи Рачинского, *Origo Regis* и Хронике Литовской и Жмойтской больше всего оказалось написаний через *e* или *ei*, что является установившемся вариантом этого имени в польской традиции.

³ Отэтнонимное образование со значением 'территория, на которой живут жемайты'.

З. Зинкявичюс называл написания *o* или *e* на месте *ai* монофтонгизацией дифтонгов и подчеркивал, что на месте *ai* могут встретиться оба написания [Zinkevičius, 1966, 93]. В таком случае *e*, видимо, объясняется повышением подъема гласного под влиянием последующего выпадающего *i*.

На примере этого имени видно, что переводчик ориентируется на вариант, представленный в источнике перевода: в Хронике Литовской и Жмойтской (источником которой послужила польская «Хроника» М. Стрыйковского) преобладает польский вариант, а в Ольшевской летописи, переведенной с письменного языка ВКЛ на польский, встретились только варианты с *a*.

3.2. Личные имена с дифтонгом *ai* записывались в летописях следующим образом:

Daĩmantas: Довмонт (34), Домонт (26), Домант (14), Dowmont (17), Domonth (15);
Daĩgirdas: Долгерд (5), Довкгирд (10), Dolgird (3), Dowgird (3), Dowgierd (5);
Góstautas: Кгаштолт (26), Кгаштовам (1), Gastolt (4);
Kaĩntautas: Kontowt (7), Kuntowt (2);
Mindaugas: Миндовг (4), Мендовг (42), Mindowh (9), Mindog (5);
Ringaudas: Ринкголт (17), Рынкголт (20), Rinkolt (8), Ryngolt (5);
Vytautas: Вумовт (1062), Вумофт (18), Вумолт (266), Vitolt (307), Wythowd (31), Witowt (26), Wythold (6).

Как видно из примеров, дифтонг *ai* всегда находится под «твердоконечной» интонацией (или в безударной позиции) и никогда не находится под интонацией «твердоначальной», что объясняет отсутствие вариантов с *a* в первой части дифтонга. Дополнительным фактором передачи дифтонга через *o* выступает то, что значительная часть носителей восточно-литовских говоров произносит первую часть циркумфлексного или безударного дифтонга [au] с заметным [o]-призвуком под влиянием последующего губного [ǔ] [Zinkevičius, 1966, 94].

Появление буквы *l* на месте второй части дифтонга К. Буга объясняет как белорусский гипернормализм. В говорах, легших в основу языка летописей, как на месте *o*, так и на месте *l* на конце слога произносили звук типа [ǔ], что повлекло за собой смешения на письме [Vūga, 1958, 265].

Таким образом, мена букв *a* ~ *o* при передаче дифтонгов литовских вокалических дифтонгов в БЛЛ является фонетической и утверждает существование интонационных слоговых различий, близких современным, в тот период, когда еще не было создано достаточно текстов на литовском языке, чтобы сделать выводы об их наличии.

4. Смешанные дифтонги

Смешанные дифтонги — тавтосиллабические сочетания долгих гласных с сонорными, встречающиеся только в позиции перед согласными и паузой [ГЛЯ,

20], — являются спецификой литовского языка. Для восточнославянских диалектов, легших в основу языка БЛЛ, они не были характерны.

4.1. Онимы со смешанным дифтонгом *an* записывались следующим образом:

Algimantas: Олгимонт (62), *Olgimunt* (2);

Daimantas: Довмонт (90);

Kaĩtautas: Контонт (7), *Kuntowt* (7);

Norimantas: Наримонт (120), *Narimunt* (13);

Skirmantas: Скирмонт (110), *Skirmunt* (27);

Žygimantas: Жигимонт (293), *Жигимунт* (6), *Zigmunt* (21);

Rōkantiškės: Раконтишки (1), *Rakunciszki* (1).

Практически все примеры составляют имена с корнем *mant-*, однако таких имен достаточно много. Смешанный дифтонг в этом корне никогда не находится под «твердоначальной» интонацией на гласном — всегда или безударен, или под «твердоконечной» интонацией на сонорном. Первый гласный этого сочетания близок обычному краткому безударному [a] и этому же звуку в составе дифтонга *ai* под циркумфлексной интонацией (или в безударном положении). В такой позиции в начальной части дифтонга произносится звук среднего ряда и среднего подъема, на письме он отражается буквой *o*. Помимо основного варианта написания этого дифтонга через *o*, встретилось также некоторое количество примеров с *u*. Здесь возможны две трактовки.

Во-первых, согласно карте 69 [ЛКА], в восточно-аукштайтских говорах на месте [an] произносят [un]. Вильнюс находится на границе этой зоны. З. Зинкявичюс пишет, что под влиянием литературного языка в говоры (через отдельные лексемы) проникает «чистое» произношение этого смешанного дифтонга, а более новые заимствования (типа *leitenantas*, *skandalas*) переходу [an] в [un] не подвергаются. Однако в более старых заимствованиях, даже в именах, это явление отражается: в районе Укмерге встречаются варианты имен *Undrius*, *Untanas* (вместо *Andrius*, *Antanas*) [Zinkevičius, 1966, 98].

Вторая версия связана как раз с тем, что в большей части примеров встречается корень *mant-*, и через *u* он пишется, только если занимает вторую часть слова. В такой позиции возможна контаминация с германскими именами, оканчивающимися на *-mund*. Большая часть примеров со второй частью *-munt* — из текстов, написанных на латинице. В первую очередь это касается имени *Žygimantas*, которое является литовским субститутом германского имени *Siegmund*. На то, что мы имеем дело не с калькированием корней, указывает разница в переводах. *Siegmund* состоит из корней со значениями ‘победа’ и ‘защита’, а *Žygimantas* возводят к корням со значениями ‘военный поход’ и ‘имущество, богатство’ [Kuzavynis, Savukynas, 1987, 388]. В имени *Žygimantas* четко выделяются два компонента, встречающиеся и в других литовских двухосновных именах. [Там

же, 387–389] находим: *Žybantas, Žybartas, Žygaila, Žygaudas, Žygintas, Žymantas*. Важно также отметить, что в Ольшевской летописи, которая является переводом на польский, вариант *Zigmunt* (совпадающий с польской традицией, куда имя было заимствовано из немецкого) — единственный.

4.2. Встретилось два личных имени со смешанным дифтонгом *al*:

Algimantas: *Ол(и)гимонт* (49), *Алгимонт* (16);

Algirdas: *Олгирд* (460), *Алкрирд* (1).

Ситуация с дифтонгом *al* в целом не отличается от описанного выше положения с дифтонгом *an*. Написание *o* объясняется так же, как и в предыдущих случаях: первая часть дифтонга смещалась к звуку, среднему по ряду и подъему, что способствовало его восприятию как [o].

В случае с именами *Algimantas* и *Algirdas* дополнительным фактором написания через *o* могло выступить то, что древнерусской традиции была свойственна модель написания иностранных, «чужих» личных имен с начальным *o*. Вариант с *a* преобладает только в Хронике Литовской и Жмойтской, которая является самым поздним по времени создания памятником (составлена в XVII в., списки дошли от XVIII в.), отклонение в ней может быть связано именно с этим.

4.3. Личные имена со смешанным дифтонгом *ir*:

Algirdas: *Ол(и)гирд* (375), *Олгерд* (75);

Daigirdas: *Долгирд* (19), *Долгерд* (10);

Skirgaila: *Скиргайло* (414), *Скригайло* (39), *Скергаило* (10);

Skirmantas: *Скирмонт* (135).

В большинстве случаев дифтонг передается как *ir*, иногда с метатезой. Это соответствует данным карты 21 [LKA], где отмечено, что на территории аукштайтских говоров качественных изменений гласного в составе дифтонга не происходит, за исключением паневежских говоров.

Довольно часто встречающееся написание с *e* может иметь два объяснения. Первое связано с тем, что в литовском языке существует оппозиция по долготе / краткости двух звуков [i]. Русскому (а также белорусскому и польскому) [и] будет соответствовать скорее литовское [i] долгое (на письме в литературном литовском обозначается буквой *y*). В безударной позиции литовский краткий [i] может восприниматься славянами как звук другой, более краткий, чем «свой», и передаваться другой буквой.

Вторая версия опирается на тот факт, что памятники, в которых основным вариантом является написание *er*, почти все написаны на латинице или связаны с польской традицией — Хроника Быховца, *Origo regis*, Хроника Литовская и Жмойтская. В истории польского языка проходил процесс перехода [ir] > [er]. Первые его примеры встречаются в XII в., но в XIV–XV вв. он еще продолжался

[Ананьева, 1994, 132], поэтому утверждение в польской традиции варианта типа *Olgierd* могло быть связано с этим.

5. Консонантизм

Как отмечалось ранее, согласно К. Буге, в области консонантизма при передаче литовских имен собственных в летописях фиксировалось гораздо меньше колебаний, поскольку системы консонантизма литовского и языка летописей различались значительно меньше, чем системы вокализма [Būga, 1958, 227], и проблем с передачей литовских согласных в языке летописей не возникало. Однако некоторые написания все же заслуживают комментария, поскольку в них отразились диалектные черты, свойственные территории балто-славянского пограничья.

5.1. Отвердение [rʲ]

В БЛЛ встретились следующие примеры отвердения [rʲ]:

Norimantas: *Нарымонт* (28), *Narymont* (18);

Rýmantas: *Рымонт* (7), *Rymont* (4);

Ringaudas: *Рынкголт* (25), *Ryngolt* (5);

Skir(i)gáila: *Скирагаило* (1), *Скирыгаило* (2);

Švitrigáila: *Швитрогаило* (4), *Швитрыгаило* (58), *Szwitrygayło* (33);

Trenióta: *Тронята* (15), *Tronat* (12).

Изоглосса отвердевшего [rʲ] сейчас захватывает говоры в Восточной Литве, включая территорию вокруг Вильнюса, однако [rʲ] в этих говорах отвердевает только перед гласным [e] (который переходит в [a]) [Zinkevičius, 1966, 165]. Отвердение [rʲ] также широко известно белорусским диалектам и представлено в литературном белорусском языке [ДАБМ, карта 42].

Только в имени *Trenióta* вибрант находится перед [e], перешедшим после отвердения [rʲ] в [a] (написание *o* на месте [a] объяснялось подробно разделе 2). В остальных именах отвердение [rʲ] представлено перед гласными переднего ряда и верхнего подъема, т. е. в позиции, где в литовских диалектах смягченный вибрант не отвердевал. Очевидно, в написаниях *ры* отразилась белорусская диалектная черта. Писцы-носители говоров, в которых [rʲ] отвердевало во всех позициях, записывали иноязычные, «чужие» имена как «свои», опираясь на собственное произношение. Безусловно, этому способствовало то, что во всем остальном тексте (и вообще в письменно-литературном языке ВКЛ) отвердение [rʲ] было нормой и отражалось регулярно [Золтан, 2014, 36].

5.2. Отвердение [lʲ]

Звук [lʲ] в аукштайтских говорах отвердевает в той же позиции, что и [rʲ], — перед [e], правда, на гораздо более широкой территории (в большей части аукштайтских говоров) [Zinkevičius, 1966, 158].

Отвердение [l'] отразилось в имени *Лынгвений* (< *Lengvas* 'легкий'): *Лынгвений* (8), *Лыгвений* (12), *Лугвень* (7), *Лынквень* (13), *Локвен* (1), *Лигвень* (1), *Лыкгень* (1), *Lyngweneu* (3), *Lingwiei* (6).

Такое разнообразие вариантов одного имени можно объяснить в первую очередь тем, что после отвердевшего [l], по данным карты 72 [LKA], на месте смешанного дифтонга *en* в восточной части Литвы может произноситься [an], [un], [yn]⁴, [on]. В некоторых говорах спорадически встречается мягкое [l'] и смешанный дифтонг [in] после него. Как показывают примеры, все возможные варианты так или иначе представлены, с явным преобладанием написаний *ын*. Однако вряд ли стоит считать все встретившиеся варианты отражением реального произношения, поскольку это иноязычное имя, очевидно, было сложным и непривычным для писцов, на что указывают и сложности с передачей согласных. Косвенным подтверждением затруднений писцов является пример из Академической летописи, где князя Семена Лынгвения один раз называли Семеном Гугнивым, видимо, стараясь этимологизировать имя по созвучию.

5.3. Шипящие

В приходских книгах, изученных З. Зинкявичюсом, часто смешиваются графемы, обозначающие звуки [š] и [s], — *s, š, sz, f, β*. Исследователь связывает это с отражением мазурения (диалектная черта мазовецких говоров — неразличение шипящих и свистящих) или с неразличением польскими писцами палатализованного литовского [š'] и палатального польского [s''] [Zinkevičius, 1977, 100]. В БЛЛ такого смешения встретилось мало — и практически только в тех летописях, которые были написаны латиницей.

Например, во всех летописях, написанных на кириллице, имя *Švitrigūila* передается без смешения свистящих и шипящих: *Шьвитригаило* (258), *Щвидругайло* (3). В Ольшевской летописи, написанной по-польски, последовательно не отражается шипящий: *Switrigailo* (29), *Zwitrigailo* (1). Один случай написания *Switrigailo* есть в записанной латиницей Хронике Быховца (на 32 написания через *Sz*).

Только в Ольшевской летописи и Хронике Быховца есть смешения *ž ~ z* в написании этнонима *Žmod-* (8) ~ *Zmod-* (35) и имени *Žygimont* (43) ~ *Zygmont* (10) (тут еще, возможно, накладывается выбор между литовским и польским вариантами имени).

Только в Ольшевской летописи есть колебания в написании топонима *Eišiškės*: *Eyksziski* (1), *Eykssisk* (1), *Eykssikach* (1).

В имени *Vaišvilkas* (*Vaišelga*⁵) буква *c* пишется только в Хронике Литовской и Жмойтской (там оно все 35 раз встречается в варианте *Войсел(о)к*). Это явное влияние польского источника. В польской традиции это имя имеет вид *Wojsielk*.

⁴ Так в карте 72 [LKA].

⁵ Имя встречалось в разных вариантах, это отмечает и К. Буга [Büga, 1958, 235–237].

По правилам польской фонетики здесь произносится «шепелявый» палатальный [s''], а в Хронике Литовской и Жмойтской имя просто транслитерировано на кириллицу. В Хронике Быховца, к примеру, вариант *Woysielk* встречается только один раз, в остальных пятнадцати пишется *Woyszelt* или *Woyszwillk*.

Таким образом, смешение на письме графем, обозначающих шипящие и свистящие звуки, является, очевидно, графической особенностью летописей, написанных на латинице, связанной с непоследовательной расстановкой диакритики и неединообразными диграфами.

Отражение фонетического явления можно предполагать в имени *Кгаитовт* (*Кгаитолт*) < *Gostautas* (34)⁶. В Волынской краткой летописи есть вариант *Кгаитовт*, наиболее близкий оригинальному имени. К. Буга объясняет появление шипящего следующим образом. Так как древние имена по большей части состояли из двух основ, между ними мог находиться соединительный гласный *a* или *i* (ср. *Товтивил* ~ *Товвил*). В дальнейшем он имел тенденцию к выпадению, но, прежде чем выпасть окончательно, он сокращался (а [i] еще продолжал смягчать предыдущий согласный). Смягченный последний согласный первой основы совпал с польским палатальным [s''] (в современной польской орфографии обозначается буквой *ś*) и впоследствии отвердел [Būga, 1958, 265]. Однако диспалатализацию в польском языке в XV в. претерпели именно исконно смягченные согласные, т. е. твердый [š] возник из мягкого [š'], унаследованного от праславянского состояния [Тихомирова, 1988, 54–55], а палатальный [s'] возник в польском как результат сильного смягчения изначально позиционно полумягкого [s'] в XII–XIII вв., так что смягченный соединительным гласным [s'] в слове *Gostautas* скорее должен был бы быть ближе к [s'], а не к [š']. Отражение этого палатального звука на письме буквой *ш* можно объяснить его «шепелявой» природой (ср., например, мену букв *с* ~ *ш* в памятниках древнепсковской письменности, где на месте [с'] произносился схожий с польским «шепелявый» палатальный [с''], что вызывало написания типа *осталошь* [Галинская, 2009, 70–71]).

Явные свидетельства отвердения шипящих — *Жыкгимонт* (56), *Эшышыки* (3) — встретились только в летописи Рачинского, где регулярно отражается отвердение [r'] перед [i]. Таким образом, в ней последовательно обнаруживаются белорусские диалектные черты. В языке летописей отражение отвердевших шипящих и [r'] нормально [Золтан, 2014, 36], однако только в летописи Рачинского это распространяется и на иноязычные имена собственные.

5.4. Мягкие зубные [t'] и [d']

В БЛЛ встречаются случаи отражения аффрицированного произношения мягких зубных. Большинство примеров — из написанной на латинице Ольшевской летописи, которая является переводом на польский:

⁶ В Ольшевской летописи, как и в описанных ранее случаях, шипящий не отражается: *Gastolt* (4).

Jaunutis: Iewnuci (7);
Kęstutis: Kiestuci (57, из них два раза через *ć*);
Norimantas: Narimoncie (1, Loc);
Skirmantas: Skirmuncye (2, Loc);
Traidenis: Troidzien (13);
Treniota: Tronacie (1, Dat);
Giedraičiai⁷: Giedrocie (1);
Rokantiškės: Rakunciszki (1);
Utena: Uciana (5).

В летописи *Origo regis*, написанной на латыни, регулярно отражается аффрицированный последний согласный основы имени *Kęstutis: Kye(r)st(r)uch(i)* (32).

Единственный раз в летописи, написанной на кириллице, аффрицированный мягкий зубной отразился в этом же имени — *Кестучи* (в Супрасльской летописи).

Очевидно, такое обилие отражения аффрикат в Ольшевской летописи объясняется именно тем, что она переведена на польский. Переход мягких зубных в мягкие аффрикаты в польском относится к XII–XIII вв. [Ананьева, 1994, 127–128]. Соответственно, иноязычные литовские имена были записаны согласно правилам польской графики и фонетики. В литовских юго-восточных дзукийских диалектах, окруженных как польскими, так и цекающими и дзекающими белорусскими говорами, также на месте мягких зубных произносятся аффрикаты, правда, уже отвердевшие. З. Зинкявичюс пишет, что развитие этой особенности литовских юго-восточных диалектов стимулировали соседние белорусские [Zinkevičius, 1966, 139–140]. Там же З. Зинкявичюс отмечает, что в тех случаях, когда в «дзукающих» говорах [t'] и [d'] не переходят в аффрикаты, они смягчаются сильнее, чем в других говорах и в литературном языке, и могут смешиваться с палатальными [k''] и [g'']. Это явление находит отражение в БЛЛ, причем встретились как прямые замены (*Traidenis: Троукген* — 15, *Trokien* — 1; *Kęstutis: Кюестуки* –3), так и обратные: *Gedigaudas: Дедикголд* (13), *Dedigold* (3); *Žygmantas: Жудимонт* (28); *Skirgaila: Stergal* (6).

Подобное явление отмечают также исследователи литовских говоров за пределами Литвы — деревни Озерки [Чекман, 1973, 60] и деревни Зетела [Судник, 1975, 167], расположенных на территории Белоруссии.

5.5. Мена *кги* ~ *ски*

Диграф *кг* является основным вариантом для передачи взрывного [g] в литовских именах в летописях. Однако в разных летописях наряду с обычными написаниями *Кги(н)димин* (44), *Кгинбунт* (13), *Кгилия* (1) (название реки, также *Якгилия* — 1, *Kilya* — 1) встретились варианты *Скиндимин* (1),

⁷ Фактически грамматическая форма этого топонима — им. п. мн. ч. (от *Giedraitis*). По правилам литовского языка в этой форме происходит чередование *t-ć*.

Скинбунт (1), *Скилия* (1). Один раз в летописи Археологического общества встретилось написание *Олскимонт* (вместо *Олкгимонт* — 6), где над строкой было подписано *кги* — видимо, в качестве исправления. Отмечается также обратная замена — *Кгирмонт* (13) вместо *Скирмонт* (8). Наиболее последовательно мена отражается в летописи Археологического общества, но некоторое количество случаев встретилось и в других памятниках. По-видимому, эти написания, которые затруднительно объяснить как графическую или позиционную фонетическую мена, отражают вставку протетического [s] перед смычными, которая спорадически отмечается в Литве [Zinkevičius, 1966, 190–191], чаще на восточной территории [ЛКА, карты 97, 98]. То, что после протетического [s] всегда пишется только *к* (а не диграф *кг*), может быть отражением прогрессивной ассимиляции.

6. Заключение

Механизмы передачи литовских имен собственных в БЛЛ обусловлены определенными языковыми и экстралингвистическими факторами. Большинство написаний свидетельствует о том, что в них отразились реальные фонетические особенности (в том числе и не сохранившиеся в современном литературном литовском языке). Тем не менее в некоторых случаях можно говорить о влиянии традиции написания того или иного имени: например, в Хронике Литовской и Жмойтской под влиянием польского источника регулярно воспроизводятся написания, характерные для польской традиции (*Ягелло*, *Витолт*).

Наряду с категорией «традиционного» релевантной оказывается дихотомия *свой* — *чужой*, когда писец выбирает доместифицированный или ориентированный на заимствование вариант имени (*Žygimantas* или *Zigmunt*). Еще одной стратегией преодоления сложностей, связанных с передачей «чужого» имени, является народная этимологизация, основанная на созвучии (*Лынгвений* > *Гугнивий*; *Treniota* > *Тройнат*).

Упомянутая дихотомия была поддержана также наличием двух разных систем письма — кириллической и латинской, диктующих некоторые формы передачи «чужих» имен. В ряде случаев (например, при анализе шипящих) это позволило понять, имеем мы дело с отражением фонетики или лишь с графической особенностью.

При анализе как более, так и менее частотных вариантов написаний литовских имен собственных в БЛЛ ценные сведения удалось почерпнуть из работ по истории языка и диалектологии, поскольку и литовский язык, и диалекты, легшие в основу языка летописей, со времени создания памятников сильно изменились. В силу социолингвистических причин литовский язык и его диалекты оказались в значительной степени архаичными и сохранили черты, которые могли существовать и во время создания летописей.

Обнаружилось также, что БЛЛ и сами являются ценным источником по исторической лингвогеографии, в том числе литовской, несмотря на то что количество лексических литуанизмов в них невелико и ограничивается в основном именами собственными. Поскольку тексты на литовском языке появились только в XVI в., БЛЛ, как выяснилось, могут предоставить немногочисленные, но тем не менее важные сведения о наличии или отсутствии некоторых диалектных черт в литовских говорах в тот период, когда еще не было их регулярной письменной фиксации.

Источники

- ГЛЯ — Грамматика литовского языка / под ред. В. Амбразаса. Вильнюс : Мокслас, 1985.
 ДАБМ — Дыялекталагічны атлас беларускай мовы / пад рэд. Р. І. Аванесева, К. К. Крапівы, Ю. Ф. Мацкевіч. Мінск : Выд. Акад. навук БССР, 1963.
 ПСРЛ, 1975 — Полное собрание русских летописей. Т. 32 : Хроники: Литовская и Жмойтская, Быховца. Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного / ред. Н. Н. Улащик. М. : Наука, 1975.
 ПСРЛ, 1980 — Полное собрание русских летописей. Т. 35 : Летописи белорусско-литовские / ред. Н. Н. Улащик. М. : Наука, 1980.
Тихомирова Т. С. Курс польского языка. М. : Высш. шк., 1988.
Kuzavynis K., Savukynas B. Lietuvių vardų kilmės žodynas. Vilnius : Mokslas, 1987.
 LKA — Lietuvių kalbos atlasas. T. 2 : Fonetica. Vilnius : Mokslas, 1982.

Исследования

- Ананьева Н. Е.* История и диалектология польского языка. М. : МГУ, 1994.
Галинская Е. А. Историческая фонетика русских диалектов в лингвогеографическом аспекте. М. : МГУ, 2002.
Галинская Е. А. Историческая фонетика русского языка. М. : МГУ, 2009.
Золтан А. Interslavica. Исследования по межславянским языковым и культурным контактам. М. : Индрик, 2014.
Князев С. В. К вопросу о механизме возникновения аканья // Вопросы языкознания. 2000. № 1. С. 75–101.
Мойсиенко В. М. Этноязыковая принадлежность «русской мовы» во времена Великого княжества Литовского и Речи Посполитой // Славяноведение. 2007. № 5. С. 45–64.
Мякишев В. П. Язык Литовского Статута 1588 года. Kraków : Lexis, 2008.
Судник Т. М. Диалекты литовско-славянского пограничья : очерки фонологических систем. М. : Наука, 1975.
Улащик Н. Н. Введение в изучение белорусско-литовского летописания. М. : Наука, 1985.
Чекман В. Н. Деревня Озерки — язык и люди. К проблеме литовско-белорусско-польской языковой интерференции // Польские говоры в СССР. Ч. 2 : Исследования и материалы 1969–1971 гг. / ред. В. В. Мартынов. Минск : Наука и техника, 1973. С. 40–72.
Būga K. Rinktiniai raštai. Vilnius : Valstybinė politinės ir mokslinės literatūros leidykla, 1958.
Smoczyński W. Nazwy osobowe „litewskie” // Słownik etymologiczno-motywacyjny staropolskich nazw osobowych. Cz. 7 : Suplement. Rozwiązanie licznych zagadek staropolskiej antroponomimii / red. A. Cieślíkowa. Kraków : Wydawnictwo Naukowe DWN, 2002. S. 19–30.
Zinkevičius Z. Lietuvių dialektologija. Vilnius : Mintis, 1966.

Zinkevičius Z. Lietuvių antropinimika. Vilnius : Mokslas, 1977.

Zinkevičius Z. Lietuvių kalbos istorinė gramatika. Vilnius : Mokslas, 1980.

Zinkevičius Z. Vilnijos lenkakalbių pavardės. Vilnius : Mokslo ir enciklopedijų leidybos centras, 2012.

Рукопись поступила в редакцию 14.06.2022

Рукопись принята к печати 11.11.2022

* * *

Афанасьева Софья Андреевна

младший научный сотрудник отдела
типологии и сравнительного языкознания
Институт славяноведения РАН
119991, Москва, Ленинский пр., 32а
E-mail: timerina58@yandex.ru

Afanasyeva, Sofya Andreevna

Junior Research Fellow
Department of Typology and Comparative
Linguistics
Institute of Slavic Studies of the RAS
32a, Leninsky Ave., 119991 Moscow, Russia
Email: timerina58@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6316-0103>

Sofya A. Afanasyeva

Institute of Slavic Studies of the RAS
Moscow, Russia

**THE MECHANISMS OF RENDERING LITHUANIAN PROPER NAMES
IN BELORUSSIAN-LITHUANIAN CHRONICLES**

The article examines the strategies of rendering Lithuanian proper names in fifteen Belorussian-Lithuanian chronicles created in the 14th–18th centuries. Thirteen of them are written in the literary language of the Grand Duchy of Lithuania, based on East Slavic dialects, the other two are in Polish and Latin. The language of the chronicles was hardly influenced by Lithuanian, but each contains Lithuanian proper names, since the subject of the chronicles is the history of the Grand Duchy of Lithuania. Most of the proper names are pre-Christian Lithuanian two-stem personal names with some occurrence of toponyms, hydronyms and ethnonyms. The spelling of proper names can be explained by referring to the history of the Lithuanian language and dialectology. Scribes of Slavic origin typically replaced “foreign” Lithuanian sounds with approximate sounds of their native language. This allows the author to consistently trace the logic of rendering the Lithuanian vowels *o* and *a*, vocal diphthongs *ai* and *au*, mixed diphthongs *an*, *al*, and *ir* and several elements of the consonant system. Apart from that, the reflection of Lithuanian dialect features makes the Belorussian-Lithuanian chronicles a valuable source for the study of Lithuanian historical phonetics and dialectology. Even though in most cases the name rendering strategies reflect real phonetic phenomena, sometimes the form of a name is bound by tradition and the language of the translation source, which is supported by the fact that chronicles are written in both Cyrillic and Latin.

Keywords: anthroponyms; toponyms; hydronyms; ethnonyms; Lithuanian language; Grand Duchy of Lithuania; Belorussian-Lithuanian Chronicles; linguistic geography; historical phonetics; dialectology

Acknowledgements

The study was funded by the Russian Science Foundation (project number 22-18-00365 *Semiotic Models in the Cross-Cultural Space: Balcano-Balto-Slavica*, <https://rscf.ru/project/22-18-00365>).

- Ananyeva, N. E. (1994). *Istoriia i dialektologiiia pol'skogo iazyka* [History and Dialectology of the Polish Language]. Moscow: MSU.
- Būga, K. (1958). *Rinkiniai raštai*. Vilnius: Valstybinė politinės ir mokslinės literatūros leidykla.
- Chekman, V. N. (1973). Derevnia Ozerki — iazyk i liudi. K probleme litovsko-belorusko-pol'skoi iazykovoi interferentsii [Ozerki Village: Language and People. On the Problem of Lithuanian-Belarusian-Polish Linguistic Interference]. In V. V. Martynov (Ed.), *Pol'skie govory v SSSR. Ch. 2: Issledovaniia i materialy 1969–1971 gg.* [Polish Dialects in the USSR. Pt. 2: Research and Materials 1969–1971] (pp. 40–72). Minsk: Nauka i tekhnika.
- Galinskaya, E. A. (2002). *Istoricheskaia fonetika russkikh dialektov v lingvogeograficheskom aspekte* [Historical Phonetics of Russian Dialects in the Linguo-geographical Aspect]. Moscow: MGU.
- Galinskaya, E. A. (2009). *Istoricheskaia fonetika russkogo iazyka* [Historical Phonetics of the Russian Language]. Moscow: MSU.
- Knyazev, S. V. (2000). K voprosu o mekhanizme vozniknoveniia akan'ia [Retention of the Unstressed 'a': To the Mechanism of Occurrence]. *Voprosy jazykoznanija*, 1, 75–101.
- Mojisienko, V. M. (2007). Etnoiazykovaia prinaldezhnost' "rus'koi movy" vo vremena Velikogo kniazhestva Litovskogo i Rechi Pospolitoi [Ethno-Linguistic Affiliation of the "Russian Mova" during the Time of the Grand Duchy of Lithuania and the Commonwealth]. *Slavianovedenie*, 5, 45–64.
- Myakishev, V. P. (2008). *Iazyk Litovskogo Statuta 1588 goda* [Language of the Lithuanian Statute of 1588]. Kraków: Lexis.
- Smoczyński, W. (2002). Nazwy osobowe „litewskie”. In A. Cieślíkova (Ed.), *Słownik etymologiczno-motywacyjny staropolskich nazw osobowych. Cz. 7: Suplement. Rozwiązanie licznych zagadek staropolskiej antroponimii* (pp. 19–30). Kraków: Wydawnictwo Naukowe DWN.
- Sudnik, T. M. (1975). *Dialekty litovsko-slavianskogo pogranich'ia: ocherki fonologicheskikh sistem* [Dialects of the Lithuanian-Slavic Borderland: Essays on Phonological Systems]. Moscow: Nauka.
- Ulashchik, N. N. (1985). *Vvedenie v izuchenie belorusko-litovskogo letopisaniia* [Introduction to the Study of Belarussian-Lithuanian Chronicles]. Moscow: Nauka.
- Zinkevičius, Z. (1966). *Lietuvių dialektologija*. Vilnius: Mintis.
- Zinkevičius, Z. (1977). *Lietuvių antropinimika*. Vilnius: Mokslas.
- Zinkevičius, Z. (1980). *Lietuvių kalbos istorinė gramatika*. Vilnius: Mokslas.
- Zinkevičius, Z. (2012). *Vilnijos lenkakalbių pavardės*. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos centras.
- Zoltan, A. (2014). *Interslavica. Issledovaniia po mezhslavianskim iazykovym i kul'turnym kontaktam* [Interslavica. Research on Slavic Language and Cultural Contacts]. Moscow: Indrik.

Received on 14 June 2022
Accepted on 11 November 2022